

**СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ИВАНА АНТОНОВИЧА САВОВА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ
ЕГО СЕМЬИ В ГРУЗИЮ И О ЖИЗНИ
НА ДОНБАССЕ, 1932–1956 ГГ.)**

Иван Савов

участник Второй мировой войны, ветеран труда, экономист
Харьков, улица Космическая, 5, 61145

**FAMILY HISTORY (FROM THE MEMOIRS OF IVAN
ANTONOVICH SAVOV ABOUT THE RELOCATION OF
HIS FAMILY TO GEORGIA AND ABOUT LIFE IN
THE DONBASS, 1932–1956)**

Ivan Savov

World War II veteran, Labor veteran, economist
Kharkiv, Cosmicheskaya street, 5, 61145

Я потомок бессарабских, а потом приазовских болгар, которые когда-то, в начале XIX века, бежали от турецкого ига в Российскую империю, а потом, после Крымской войны, проигранной Россией, и отошедшей территории Южной Бессарабии Молдавскому княжеству с 40 болгарскими колониями. Меня всегда интересовал вопрос переселения болгар из метрополии в Бессарабию. Откуда, как, и какими путями мои предки шли в Буджак? Где они останавливались? И в каких населенных пунктах жили до окончательного оседания в колониях болгарского водворения и получения ими колонистского статуса в 1819 году? Конечно, в процессе моих исследований было найдено много документов, проливающих свет на жизнь болгар в Бессарабии, а также и после их переселения в Приазовье. Как оказалось позже, переселений было много.

Еще в Бессарабии гордых непреклонных болгар, не согласных с политикой Российской империи, за те или иные проступки отправляли на поселения в Сибирь. Как складывалась их дальнейшая жизнь и, что потом было с ними, не известно. После переселения в Приазовье им снова пришлось начинать все сначала. Все, что делали их предки, пришедшие в Бессарабию, теперь уже пришлось испытать и повторить их детям и внукам. После Столыпинских реформ были переселения в Казахстан и в Амурскую область. Также были переселения и на Кубань. Была депортация болгар за Урал и в Среднюю Азию, после известных событий в 1943 году, связанные с возвращением болгар на историческую родину во главе с Мишо Хаджийским.

Но то, чем мне хочется поделиться, не связано ни с земельными реформами, ни с возвращением в Бессарабию семей приазовских болгар... Голод, постигший болгар в 1922 году, заставил снова двигаться куда-то для выживания. Через десять лет ситуация повторилась и тогда уже не желавшим вступать в коллективные хозяйства болгар объявили кулаками. У них отбирали документы для того, чтобы бегство не приняло массовый характер. Но как это ни парадоксально, так оно и случилось. Мне очень хотелось бы показать на примере моего дальнего родственника Ивана Антоновича Савова 1929 г.р., здравствующего и ныне, проживающего в г. Антрацит, и представить его рассказ о том, как его семья в 1934 году бежала в Грузию на берег Черного моря. И как им, преславцам и инзовцам,

пришлось обрести новую Родину в стране Золотого Руна. Кому-то было суждено вернуться в родные края после смерти вождя народов... А кому-то – навсегда остаться в Грузии, в Армении и в Азербайджане...

Альберт Варбанский, г. Санкт-Петербург

В 1932 году наша семья, в составе отца, Антона Георгиевича, 1883 года рождения, матери, Ирины Николаевны, девичья фамилия Варбанская, 1895 года рождения, старшего брата, Петра Антоновича, 1919 года рождения, получившего искривление позвоночника и нарушение координации движения после болезни тифом, второго брата, Николая Антоновича, 1924 года рождения, меня, Ивана Антоновича, 1929 года рождения, и младшей сестры, Марии Антоновны, 1931 года рождения, пешком двигалась по пыльной дороге, уходя из родного села Преслава, где жили мои предки со времен переселения из Бессарабии. Уходили, гонимые судьбой, как семья кулаков. День был жаркий, идти было всем тяжело, в особенности отцу и маме, так как они поочередно несли на руках годовалую нашу сестру Машу.

Только к вечеру мы добрались до соседнего села и остановились у своих родственников, которые жили на краю села и имели большой фруктовый сад, по моим понятиям. Какая это была благодать после жаркого дня ходьбы по пыльной дороге попасть в тень под свод деревьев. Там нас накормили, напоили и все расспрашивали, беспокоясь о судьбе оставшихся родственников в Преславе.

На другой день мы начали собираться в дальнейший путь. В это время во двор ворвалась подвыпившая ватага местных жителей, которые, крича и ругаясь, столпились перед домом. Хозяева усадьбы и мои родители быстро загнали нас в дом и зашли сами. Все окна закрыли ставнями, а двери заперли бревном, которое вставлялось в проушины и не позволяло открыть дверь. Дом был длинный, саманный, крытый соломой, окна представляли собой стекла, вмазанные в стенку, где больших размеров, где – поменьше. Взрослые время от времени подходили к окошку возле двери, снимали заслонку и наблюдали за шабашом пьяных мужиков. Затем заслонку опять закрывали, и все мы находились в полутемной длинной комнате: наша семья с одной стороны комнаты, а семья хозяина – с другой. Посередине была большая печь, которая разделяла комнату в избе на две половины.

При очередном открытии ставни возле двери мне удалось вылезти из-под кровати, где я проводил большую часть времени, и посмотреть в окошко, где я увидел костер, а вокруг него – группу людей, певших и оравших во все горло: «Кулаки, выходи! Кулаки, убирайтесь из нашей деревни!!!». Так и продолжалось: кто-то из выпивших подходил к окошку, стучал в него и кричал: «Кулаки, выходи!...». Я никак не мог понять, как это «кулаки, выходи, кулаки, убирайтесь из нашей деревни». Ведь кулаки принадлежат каждому из нас, и выходить или убираться из деревни они без нас не могут.

До поздней ночи горел костер, и раздавались пьяные оргии, а мы все прислушивались к этим крикам, и никто из нас не мог уснуть. Наконец, крики утихли, взрослые вышли во двор, залили костер водой, закрыли опять все на запоры, и мы легли спать. Рано утром нас всех подняли, мы попрощались с нашими родственниками, и пошли в путь-дорогу. Мы были рады, что наступил день и мы покидаем негостеприимную деревню. Да и родственники, наверно, вздохнули с облегчением. Вот тебе и болгары, вот тебе и гостеприимство болгарских сел.

1933 год. Семья наша поселилась в окрестностях Донецка, в, так называемой, холодной балке. Отец устроился работать продавцом в продуктовом магазине. Дело в том, что он единственный из закоренелой крестьянской семьи с юности пристрастился к торговле и после армии открыл свой магазин. Товар он брал в кредит у торговцев, у которых работал до армии, и оплачивал взятый кредит после реализации.

Как видно, тогда тоже был дефицит на определенные товары. Из продуктового магазина отец иногда приносил домой консервы, а мать их продавала на черном рынке. Это помогало подкармливать нашу семью. Те консервы, что хранились дома, складывались в платок и подвешивались на крюк от люльки. Мы, глядя на эти консервы, облизывались и глубоко вздыхали. Они предназначались для продажи на черном рынке, а на вырученные деньги нам покупали более доступную еду.

Однажды мы с Машей остались дома одни, и я подумал, хорошо бы достать с потолка консервы и полакомиться ими. Мы с Машей подтянули стол, на него поставили

табурет, затем маленькую скамейку и шваброй толкали этот узел с консервами, но все было напрасно. Я не помню в деталях, но в один момент банки из платки посыпались нам на головы, а затем на пол. Радости нашей не было предела, мы с сестрой долго смеялись, лица наши светились радостью, так много такой вкусной еды у нас никогда не было. Консервы были в железных банках, мы долго крутили их, били их одну об другую, били их всеми железными предметами, что были в доме, но добраться до содержимого банки мы не могли. Наконец, как помню, мы нашли ржавый гвоздь, взяли небольшой камень, уселись возле одной банки и начали пробивать крышку консервы. Долго мы били камнем по гвоздю, и, наконец, в одном месте выступила жидкость. Мы ее слизали, потом еще били по банке и слизывали жидкость. Затем принялись расширять дырочку и пробивать новую, так, мало-помалу, нам удалось расширить дырочку так, что туда входили два пальца, чтобы достать вкусное. Это были рыбные консервы. Приобретенный опыт с помощью гвоздя и камня позволил нам открыть крышку наполовину и вытащить содержимое сначала на пол, а потом в рот. После того как мы съели все содержимое, наступил момент ответственности за содеянное. Но больше на крюк не вешали ничего, чтобы нас не соблазняло.

Жизнь в Донецке была очень голодной. Каждое утро, когда родители уходили: отец – на работу, а мать на рынок приторговывать, брат Николай посылал меня на мусорники. Я обходил свалки и собирал, в основном, картофельные очистки, ибо других съестных продуктов не было. Приносил их домой и высыпал на пол возле печки. Каждый из нас выбирал себе, какие хотел, и клал их на чугунную плиту. Мыли мы их или нет, я не помню. На плите они запекались, и мы их с удовольствием поедали. Когда попадались особенно толстые очистки, я думал, что есть же сытые люди, которые в такое голодное время выбрасывают такие толстые очистки.

В 1934 году директор магазина предупредил моего отца, что он больше не может держать его на работе, как человека, у которого нет никаких документов. Дело в том, что раскулаченных просто выгоняли из деревни без всяких документов и справок. Мой дедушка Георгий Саввов со своей дочерью, моей тетей Анной, в это время уже жили в Грузии и пригласили моего отца с семьей приехать к ним, так как для устройства на работу не требовалось никаких документов. Воспользовавшись приглашением, наша семья в мае 1934 года переехала в Аджарию и поселилась в Чаквинском чайном совхозе.

Нашу семью, как и сотни других семей, приехавших в совхоз, поселили жить в бараках. Это длинные и широкие глиняные мазанки. На каждого члена семьи выдавалась металлическая кровать. Каждая семья, в зависимости от количества кроватей, отгораживала себе место под этой общей крышей. Мой отец устроился на работу в стройцех маляром, а мать сезонно красила кровати и прислуживала в семье начальника стройцеха. Оплату же за это получала как за покрашенные кровати и другие малярные работы.

В 1936 году в совхозе был построен, так называемый, новый поселок из тридцати шести двухкомнатных глиняных мазанок, имеющих отдельный вход. В одну из таких комнат мы и переехали из барака. Мы установили четыре свои железные кровати, взятые из барака, а пятую установили за домом под открытым небом. Все убранство комнаты состояло из четырех железных кроватей, установленных возле стен, и семейного деревянного сундука, прислоненного к одной из них. На внутренней стенке сундука была надпись «Май 1934 год, приехали в Грузию».

В 1936 году я поступил учиться в первый класс. Взяли меня в школу с шести лет только благодаря тому, что мой отец красил квартиру директора школы и попросил его взять меня в школу досрочно. Директор дал согласие только при условии, что я буду хорошо учиться. Дело в том, что я был маленький и худенький и не имел на первое сентября полных семи лет. Мне пошили матерчатую сумку с ляжкой через плечо, и я стал первоклашкой. Учился я очень хорошо, и вопрос о моем отчислении не стоял. А моего товарища Переверзева, тоже Ивана, которого брали на тех же условиях, отчислили после первой же четверти. Первый класс я окончил отличником, и отец очень гордился моими успехами. А брат Николай, воспользовавшись этим, заставил меня попросить отца сделать мне шашки. Так в нашей комнате появилась первая настольная игра, и все наши сверстники нам очень завидовали.

В 1937 году нас постигло большое горе, как и многие другие семьи. Нашего отца арестовали как троцкиста, судили тройкой и дали, как и всем, десять лет тюрьмы. В 1942 году он умер. Остались мы одни: большая мать (ей еще до ареста отца сделали опе-

рацию на легких, удалили выросшую кисту и запретили работать, если она хочет жить), старший брат Петр, инвалид, брат Николай, тринадцати лет, я, восьмилетний ребенок, и сестра Мария, шести лет. Как мы жили, чем питались, одному богу известно, никто не работал, и никаких пособий нам не выдавали. Единственным спасением была наша коза, которая давала молоко и козлят на мясо, если рожались мальчики.

Мы с братом инвалидом ходили по селам, там побирались. Лучше всех милостыню подавали греки. Еще нам помогал наш дедушка, он просил милостыню и как мог нас подкармливал. Я ходил с рогаткой и удочкой с самодельным крючком. Старался убить хоть одну птичку, поймать несколько бычков, нарвать всякой съедобной травы и наварить что-нибудь на ужин. Мать к этому времени устроилась работать уборщицей в детские ясли. Вот так мы и жили: на мамину зарплату и дары природы.

Летом брат Николай ходил собирать чай и этим помогал матери. Она очень просила его брать меня с собой на работу, но он всегда отказывался. В какой-то момент она его уговорила, и он взял меня с собой. Ряды чая – это сплошные кусты, и собирать молодые побеги со всего куста вдвоем гораздо легче. Я быстро освоился, и уже через неделю Николай почувствовал, что он собирает в бригаде чая больше всех. Мы ведь работали вдвоем на одну корзину. Теперь он без меня не соглашался идти работать и с каждой полочки и аванса давал мне по пять рублей на конфеты. Через пару лет в бригаде стали возмущаться, что мы чай собираем вдвоем, а записываем на одного, да еще ежедневно подводились итоги соревнования, победитель которого работал целый день с красным флажком на корзине. Этот ропот вылился в то, что я был вынужден собранный чай записывать на себя.

Потом эта процедура повторилась, но уже с участием моей сестры. Я собирал чай, а она мне помогала. Первый чайный сезон обошелся мирно, мы вдвоем собрали чая меньше, чем лучшие сборщики бригады. Во втором сезоне мы начали набирать темп, и к середине сезона вышли в передовики в бригаде. В бригаде пошли раздоры, возмущение, и бригадирша предложила нам собирать чай отдельно, каждый себе.

Мне тогда было одиннадцать лет, а сестре – девять. Фактически у нас в семье было четверо работающих и один инвалид. Правда, чайный сезон начинался в мае и кончался в октябре месяце. В летние месяцы мы работали наравне с взрослыми, а в сентябре, когда начиналась школа, мы работали так: я – до обеда, а после обеда ходил в школу, а моя сестра, наоборот, на работу ходила после обеда, а до обеда была в школе.

1941 год. Эта идиллия продолжалась да начала войны сорок первого года. Я называю это идиллией, потому что мы могли что-то выкроить из нашего семейного бюджета и посылать отцу посылки. Я хорошо помню, что он просил, если можем, прислать ему теплую одежду, что мама и выполнила. Еще мама иногда посылала ему продуктовые посылки. Я помню, как она укладывала сало и копченые колбасы, а мы сидели на полу вокруг этой посылки и у нас текли слюны, но никто никогда не попросил даже кусочка. Все понимали, это – святое, отцу.

Сорок первый год начался как обычно, за исключением того, что брат Николай бросил школу и стал полноценным работником. Началась война, деньги превратились в фантики. Источником существования стал хлебный паек: 500 граммов хлеба работающим и 200 грамм иждивенцам, и два раза в день по пол-литра баланды, и то только работающим.

Все стали устраиваться, кто как может. В основном, обзаводились козами, в том числе и наша семья, хотя мы держали коз и раньше. Соседи, у которых не было возможности пасти свою козу, просили нас за определенную плату брать их коз. Через два-три месяца, таким образом, у нас набралось более пятнадцати коз. Утром я их собирал, загонял их в овраг и там, в кустарниках, я их и пас. По натуре я был трусливый, и все время их пересчитывал, боясь не потерять ни одну. Мне редко удавалось насчитать нужное количество, и я начинал пересчитывать их сначала, как правило, всегда не хватало то одной, то двух коз, приходилось начинать счет сначала. Этот пересчет не длился до тех пор, пока не приходила Маша. Она принимала их без счета, и я с облегчением шел в школу. Стоило ей только крикнуть: «Маня, Вика! Выходи!», они все, как по команде генерала, выходили из зарослей на дорогу и ждали ее команды идти домой. Это их послушание меня всегда удивляло и не укладывалось в моей голове.

В 1943 году, когда я окончил семь классов, меня лишили хлебного пайка в 200 граммов хлеба и предложили идти работать. Мне ничего не оставалось делать, и я пошел работать.

Все козы теперь остались за Машей. Удивительным было то, что эта двенадцатилетняя девочка ухитрялась одновременно пасти более пятнадцати коз и собирать в бригаде больше всех чая. Пасти коз разрешалось только в балках, а на чайных плантациях было строго запрещено. Было много случаев, когда Машины козы заходили на плантации. Стоило Маше крикнуть: «Лиза, назад в балку!», как козы покидали чайную плантацию. Это ежедневно видела бригадирша, много раз наблюдал агроном, но лишится из-за этого передовой работницы при нехватке рабочих рук, они не могли, и поэтому прощали шалости ее коз.

А нас, пацанов таких, как я, собрали в количестве шести человек и заставили возить собранный чай на фабрику. Дело в том, что нормальный зеленый чай, который собирают с мая по октябрь, грузят в специальные ящики и везут на фабрику. Этим занимались грузчики с братом Николаем. А нас заставили возить, так называемый, лава чай – это огрубевшие чайные листья. Их распаривали, прессовали в плиты и отсылали в Среднюю Азию. Там, у узбеков и казахов, он пользовался большим спросом: за трехкилограммовую плитку давали барашка. Мы, по глупости, возили чай целый день, затем целую ночь. На другой день возили до трех часов дня, потом бросили машину и ушли по домам спать. На другой день агроном района пришел звать нас на ту же работу, грузить и возить чай. Я отказался от работы грузчика и ушел работать на чайную фабрику. Меня приняли на работу смазчиком чайных агрегатов. Началась зима, мы проводили профилактику чайных агрегатов, подготавливая их к работе на следующий сезон. Работа грязная, я был весь в машинном масле. Спецовки никакой не выдавали, и я работал в той же одежде, в которой ходил. К новому чайному сезону была проведена профилактика и сделан текущий ремонт.

С началом нового чайного сезона бригаду слесарей распределили по сменам. В первой смене дежурил старший слесарь, во второй смене – электрик, в третьей – я. Работа была трудная и грязная и сводилась к тому, что я должен был залить все масленки на чайных агрегатах маслом и произвести посильный ремонт. На это, как правило, уходило четыре-пять часов. В котельной сушильных машин был специальный ящик с инструментом, и я, как правило, на нем спал. Если что-то было нужно, вся административная служба знала, где меня искать. Спецодежда была не предусмотрена, и я ходил на работу в своей. Через два-три месяца она вся пропиталась маслом, которым я смазывал механизмы. Так я и проходил два года.

Однажды ночью пришла дежурная по фабрике, разбудила меня и сообщила, что из четырех сушильных агрегатов один не работает и надо разобраться. Мы с ней пришли к агрегату, и действительно, снаружи на боковой стене передач система шестеренок не крутится, хотя двигатель работает, ведущий вал крутится нормально, а шаровые цепи, что несут пластины с чаем, стоят. Послали за старшим слесарем, за механиком шахты, за инженером шахты. Стали ждать их прибытия, ажиотаж утих, и все разошлись. Я остался один, осмотрел еще раз все внимательно и увидел шпонку на полу, поднял ее, нашел, откуда она (с ведущего вала), забил ее на место, включил двигатель, и сушильная печь заработала в нужном режиме. Я сообщил дежурной по фабрике, что печь работает, и ушел спать на свой ящик. Эта весть, что я отремонтировал сушильную печь, облетела всю фабрику.

1945 год. Моя мать договорилась с нашим соседом, который работал плотником в совхозе, что он попросит инженера стройцеха взять меня учеником плотника. С мая 1945 года я – ученик плотника. Моя мама раздобыла мне чистую одежду, которая позволила мне выбросить старую, задубевшую от масла.

1947 год. Шло время, мне уже исполнилось 18 лет. Я был маленький, худенький и о девочках даже не мечтал. Работа меня устраивала, и я был доволен. За это время я и мои товарищи по работе, все болгары: Попов Иван, Печурский Дмитрий, Михов Илья, – научились делать мебель. Хотя все мы числились учениками плотника.

В одно время директору совхоза кто-то донес, что мы делаем себе и за определенную плату шифоньеры, буфеты, этажерки для книг и рамки для портретов, потребность в которых была большая, так как каждой семье хотели увековечить память о героях Великой Отечественной войны, погибших или пропавших. Директор совхоза вызвал инженера стройцеха и показал ему письмо завистника с просьбой разобраться. Инженер ему говорит: «Что вы батоно (груз. *господин*), это же бавши (груз. *дети*). Какую мебель они могли делать?». Комиссия все же была создана, все оказалась правдой. У всех нас комнаты были обставлены шифоньерами, буфетами и этажерками высокого качества, покрытые лаком. После чего пристыженный начальник стройцеха присвоил нам разряды и мы стали

хорошо зарабатывать по тем временам. Но в трудовой книжке у меня и сейчас записано «ученик плотника» с 1945 по 1951 год, когда я рассчитался в связи с поступлением в Кутаисский горный техникум.

В наш чайный совхоз для проведения опытов по влиянию на урожайность чая обильного полива прибыли ученые мужи. Меня направили к ним для сооружения дамб. Потом они уехали, а представитель от них остался. И мы с ним целую весну и лето проработали вместе. За это время мы с ним очень подружились, и он удивлялся моим познаниям. Уезжая, он взял с меня слово, что я соберу все документы для поступления в техникум и привезу их ему в Кутаиси. Он там жил.

За это время в нашей семье произошли существенные изменения. Старший брат Петр обжегся в летней кухни и от ожогов умер. Брат Николай был мобилизован на строительство Кутаисского автомобильного завода. Сестра Маша больше всех в бригаде собирала чая, и на ее корзине постоянно красовался красный флажок передовика вчерашнего дня. Так действовало правило социалистического соревнования. Одновременно со сбором чая она пасла до пятнадцати коз, за что получала по сто рублей в месяц от хозяев. Все козы были в нее влюблены и выполняли, как в цирке, ее команды.

1951 год. Семейные и финансовые дела дали мне возможность, с согласия мамы и сестры, отвезти обещанные документы в Кутаиси. К моему покровителю. В Кутаиси грузинская семья меня встретила очень гостеприимно. После обильного ужина с вином хозяин предложил провести шахматный турнир. Мы с ним играли все лето. Третьим участником был его взрослый сын, который оказался большим любителем этой игры. В упорной борьбе мы провели по две встречи. Я оказался победителем. На другой день мой покровитель отвел меня к заведующему учебной частью техникума, где приняли мои документы и сказали, когда я должен явиться на экзамен.

Все экзамены я сдал хорошо. Потом я узнал, что завуч приходил к моему покровителю узнать мою фамилию. После зачисления до начала занятий я уехал домой и встретил завуча нашей школы. Он выразил сожаление, что не знал, что я хочу поступать учиться. Дело в том, что год назад он приходил ко мне домой и просил меня поступить в восьмой класс, так как не хватало кворума для его открытия. Он мне сказал, что если бы я его предупредил, он выдал бы мне аттестат за восьмой класс с одними пятерками, чтобы я мог поступать без экзаменов.

Учился я в техникуме очень легко. На первом курсе в группе заправляли местные городские ребята. Они – комсорги, они – профкомы, они – заводили всех мероприятий. А нам, сельским ребятам, отводилась второстепенная роль. На втором курсе все изменилось, и заводилами стали мы, сельские ребята. Меня избрали комсоргом группы, и я им оставался до самого выпуска. Техникум я окончил с отличием.

1955 г. После окончания техникума нас направили на шахту № 15 треста Боково-Антрацит Луганской области. Я говорю нас, потому что к этому времени мы с однокурсницей Пачуашвили Татьяной Тарасовной ждали ребенка. Меня сразу назначили помощником начальника участка, а Татьяну Тарасовну – горным мастером на участок вентиляции. В начале нам дали комнату в общежитии, а с рождением сына Антона – двухкомнатную квартиру в одноэтажном доме.

1956 год. Первым делом мы отгородили участок земли перед нашими окнами и весной 1956 года посадили сад. Все соседи говорили: «Вот молодцы! Это навсегда. Это, действительно, семья шахтеров». Но жизнь есть жизнь. Дело в том, что мне работать в шахте очень не нравилось. Поработав в шахте, я почувствовал себя, да извинят меня настоящие шахтеры, каторжанином. Каждый раз, бывая в шахте, я не мог дожидаться, когда я выеду наверх. Выезжая на поверхность, я видел белый свет во всей его красе, и тоска моя усиливалась в сотни раз. Спускаясь в шахту, я мысленно чувствовал над головой горную массу толщиной в двести-триста метров, и как мышьяк ходил по горным выработкам. Это было выше моих сил.

Мы с женой после рождения ребенка зарегистрировали свой брак. Написали заявление на расчет, и нам его выдали. Вернулись мы на Кавказ, к своей маме в Чаквинский чайный совхоз и почувствовали себя никому не нужными людьми. Диплом горняка с отличием не имел никакой силы. Мне предлагали только рабочие места, но я был уже другим человеком. Мы с женой оставили сына у матери, и решили уехать в Новочеркасск, в город, где куются кадры, чтобы там попробовать свои силы. В Новочеркасске горняки тоже ни-

кому не нужны, и мы поступили на курсы бухгалтеров, имея немного денег, накопленных за время работы в шахте.

Для финансовой поддержки я устроился на стройку плотником на полдня работы, но через определенное время прораб стройки время от времени стал использовать меня как работника по загрузке песком растворного узла. Потом стал направлять меня на растворный узел постоянно. Я, конечно, возмутился и покинул стройку. После окончания курсов бухгалтеров я отправился в стройуправление за трудовой книжкой. Начальник стройуправления стал объяснять мне, что оставлять самовольно производство не положено. Я, как мог, рассказал ему о причине моего ухода. На этой почве мы поругались, и он дал команду уволить меня за прогулы. Так я стал шестилетним учеником плотника и злостным прогульщиком.

После этого мы вернулись в Антрацит, но уже без жилья. Дипломированные специалисты были нужны, и я устроился механиком учебных мастерских в 68-е горное училище. А Татьяна Тарасовна мастером вентиляции на шахту № 45. Через определенное время директор училища стал использовать меня как мастера по сопровождению учащихся в шахту, так как мастеров производственного обучения не хватало. Это стало повторяться все чаще и чаще. В очередной раз вести группу в шахту я отказался, и написал заявление с просьбой дать мне расчет. Когда я пришел за трудовой книжкой, он собрал комиссию, и меня уволили, как не справившегося с работой. Я написал заявление в комиссию по трудовым спорам. Председатель комиссии мне говорит: «Ты что, сам не понимаешь, что ты завалил всю работу учебных мастерских, и почти все оборудование пришло в негодность». Так я стал шестилетним учеником плотника, злостным прогульщиком и работником, завалившим работу мастерских 68-го горного училища. Так-то так, но работу искать надо. В этом же районе расположено монтажное управление «Углеавтоматики», занимающееся внедрением автоматики шахтных машин и механизмов. Я несколько раз проходил мимо него. Эта вывеска меня очень привлекала, но зайти и попросить работу с моей трудовой книжкой, я, конечно, не решался.

Один раз я осмелился, взял трудовую книжку и свой диплом с отличием и зашел в «Углеавтоматику». Я предупредил начальника о записях в моей трудовой книжке, и он отправил меня к главному инженеру, Мериуц Павлу Алексеевичу, чтобы тот сам решил. Я повторил все, что говорил начальнику и сказал, что ищу работу. Он долго-долго смотрел на меня и говорит: «Ну, как ты ухитрился так отличиться?», и дал команду зачислить меня техником производственного отдела с окладом в девятьсот рублей. Я так был рад, что забыл поблагодарить его за предоставленную мне работу. Работа мне очень понравилась, главное, не надо ходить в шахту. Через два месяца меня перевели инженером производственного отдела, а Татьяну Тарасовну, по моей просьбе, приняли на мое место. В то время свободные вакансии были на многих предприятиях.

Через год работы вызывает меня к себе теперь уже не главный инженер, а начальник управления Павел Алексеевич, и говорит: «Ты плановое дело знаешь?». Я говорю: «В пределах учебной программы». «Это хорошо, – говорит он. – Иди и принимай дела у плановиков». А все дело в том, что в плановом отделе работали экономист и старший экономист, обе женщины. И они уходили в декретный отпуск. Я взял блокнот и записал все, что говорила старший экономист. Затем выяснил у нее ряд вопросов, которые мне были не понятны. Дело осложнялось тем, что через десять дней надо составлять квартальный отчет и сдать его в трест, вышестоящую организацию. Женщины ушли в декрет, а я приступил к подготовке квартального отчета.

Через 10 дней я отвез квартальный отчет в трест, расположенный в Луганске. Начальник планового отдела треста вертел его сюда, а потом туда, и говорит: «Ты где работал плановиком?». Я говорю: «Нигде». «Тогда скажи, кто составлял этот отчет?». «Я». Он покачал головой и говорит: «Ладно». Так закончилось мое испытание по плановому делу. С тех пор он все время относился ко мне снисходительно, по-отцовски. Декретные отпуска наших женщин длились 56 дней до родов и 56 дней после родов. В общей сложности, в плановом отделе я проработал один около четырех месяцев.

За это время в управлении возрос годовой объем производства, управление перешло в другую категорию по оплате труда, и появилась должность «начальник планового отдела». На эту должность назначили меня. А женщины после возвращения из декретного

отпуска заняли свои прежние должности. Все обошлось мирно, без всяких претензий. Лихорадило только профсоюз. Один председатель занимался только сбором профсоюзных взносов, другой же любил еще и выпить. На очередных профсоюзных перевыборах меня избрали в профком. А там, по рекомендации представителя теркома угольщиков, не без участия начальника управления, который благосклонно относился ко мне, меня избрали председателем профкома. Правда, исходя из численности предприятия, председатель профкома был не освобожден от основной работы и выполнял функции председателя на общественных началах.

Став председателем профкома, я вспомнил все мероприятия, которые я проводил, будучи комсоргом в техникуме. И общественная жизнь в управлении засияла всеми цветами радуги. Ежемесячно и по знаменательным датам стали проводить вечера отдыха, экскурсии по историческим местам для детей и взрослых, детские утренники, где разыгрывались лотерейные выигрыши. Все участники, как правило, уходили домой после любых мероприятий с массой призов и подарков. Проводились спортивные соревнования по футболу, волейболу, настольному теннису и шахматам. Дело в том, что управление состояло из четырех участков: Краснодарского, Свердловского, Краснолучского и Антрацитовского, что придавало соревнованиям особый интерес. В моем лице трудящиеся, особенно рабочие, видели своего защитника, тем более, мне это легко удавалось, так как мы с начальником управления стали хорошими друзьями, единомышленниками и дружили семьями. Управление ежеквартально выполняло производственные планы, и все инженерно-технические работники и служащие получали производственные премии.

У нас был большой фонд предприятия, который позволял нам поощрять бригады по любым мероприятиям. Министерство угольной промышленности выделило нам финансирование, и мы начали строить жилье для себя хозспособом. На берегу Азовского моря организовали свою базу отдыха, где практически могли отдыхать все желающие работники с семьями. Все это создало условия для моего бессменного председательства в профкоме, до самого ухода на пенсию в 71 год. За все время работы у меня не было существенных разногласий ни с начальником управления, ни с руководством треста, ни с трудящимися, ни с теркомом профсоюза.

Я сам лично на территории предприятия расчистил участок земли и посадил там своими руками много винограда, клубники и разных деревьев. Руководство треста ежемесячно приезжало в Антрацит принимать производственную программу. И им очень нравилось после посетить мой сад и полакомиться фруктами и ягодами. В теркоме профсоюза существовало негласное правило – поощрение за общественный труд – выдавать председателю профкома санаторные путевки, чем я и пользовался каждый год. В особенности мне нравился Кисловодск с его нарзанными ваннами, где я отдыхал много раз. Не брезговал я и другими курортами, но больше одного раза я их не посетил.

Работа в управлении доставляла мне одно удовольствие. Построив хозспособом четыре двухквартирных одноэтажных дома, я получил трехкомнатную квартиру с приусадебным участком в 6 соток. Одновременно в управлении был создан садоводческий кооператив, где я был избран председателем. Многие наши трудящиеся получили земельные участки, в том числе и я. Сажать деревья – это моя страсть. И я занялся благоустройством земельного участка возле дома в садовом кооперативе, так что я имел три садовых участка, и все были в образцовом состоянии.

Спортом я увлекался всегда, и он платил мне взаимностью. Я научился играть в шахматы в совхозе, где директором клуба был чемпион Аджарии по шахматам. В первый же год после войны он оборудовал в клубе шахматную комнату и учил желающих играть. Меня шахматы настолько увлекли, что я через два года играл в силу первого разряда. В техникуме я увлекся волейболом и уже через два года играл за сборную техникума в командных соревнованиях на первенство города Кутаиси. Теперь я быстро научился играть в настольный теннис, причем неплохо для любителя. Но шахматы всегда были для меня на первом месте...

Это лишь один из немногих примеров того, как складывалась жизнь болгар которых судьба закинула в разные концы нашей бывшей необъятной Родины...

Материал поступил в редакцию 10.02.2020 г.